

Серия «История»
2024. Т. 50. С. 41–52
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiahist.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 94 (47)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.50.41>

Проблема использования практик революционного террора при обороне Царицына в 1918 г. (по материалам дневника К. А. Махровского и исторических дискуссий о «заговоре инженера Н. П. Алексеева»). Часть 2

В. В. Бронштейн*

Музей современного искусства Сибири Виктора Бронштейна, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассмотрены практики использования революционного террора при обороне Царицына в 1918 г. Проанализирована роль И. В. Сталина в развитии этих практик. Выявлены возможности различных исторических оценок «заговора инженера Н. П. Алексеева» и репрессий по отношению к заговорщикам. Поставлен вопрос об истоках применения революционного насилия в годы Гражданской войны и возможности влияния этого фактора на дальнейшее развитие страны. Указано, что исторический социальный советский контекст сделал возможным становление и развитие института массового террора как инструмента развития молодого государства. Сделан вывод, что режим террора был значительным социальным новшеством, которое во многом связано как с Гражданской войной, так и с личностью Сталина.

Ключевые слова: И. В. Сталин, оборона Царицына, К. А. Махровский, А. Л. Носович, Н. П. Алексеев, большевики, террор, заговор.

Для цитирования: Бронштейн В. В. Проблема использования практик революционного террора при обороне Царицына в 1918 г. (по материалам дневника К. А. Махровского и исторических дискуссий о «заговоре инженера Н. П. Алексеева»). Часть 2 // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2024. Т. 50. С. 41–52. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.50.41>

Original article

The Problem of Using of the Practices of Revolutionary Terror in the Defense of Tsaritsyn in 1918 (Based on the Materials of K. A. Makhrovsky's Diary and Historical Discussions about the “Conspiracy of Engineer N. P. Alekseev”). Part 2

V. V. Bronstein*

Museum of Contemporary Art of Siberia by Viktor Bronstein, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article examines the practice of using revolutionary terror in the defense of Tsaritsyn in 1918. The role of I.V. Stalin in the development of these practices is analyzed. The possibilities of various historical assessments of the "conspiracy of engineer N.P. Alekseev" and repression against the conspirators are revealed. The question is raised about the origins of the use of revolutionary

© Бронштейн В. В., 2024

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

violence during the Civil War and the possibility of this factor influencing the further development of the country. It is indicated that the historical social Soviet context made possible the formation and development of the institution of mass terror as a tool for the development of a young state. The terror regime was a significant social innovation, which is largely related to both the Civil War and the person of Stalin.

Keywords: I. V. Stalin, defense of Tsaritsyn, K. A. Makhrovsky, A. L. Nosovich, N. P. Alekseev, Bolsheviks, terror, conspiracy.

For citation: Bronstein V.V. The Problem of Using of the Practices of Revolutionary Terror in the Defense of Tsaritsyn in 1918 (Based on the Materials of K. A. Makhrovsky's Diary and Historical Discussions about the "Conspiracy of Engineer N. P. Alekseev"). Part 1. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2024, vol. 50, pp. 41-52. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.50.41> (in Russian)

Целью данной статьи является анализ различных сталинских практик управления в ходе обороны Царицына в 1918 г., которые в последующие годы проявятся как важные составляющие механизма сталинских репрессий. В основе нашего исследования лежит интересный исторический источник, отчет старого большевика К. А. Махровского, функционера новой власти, выполнявшего важное партийное поручение и арестованного в Царицыне в период фактического управления городом Сталиным [7]. В своем дневнике Махровский также приводит данные о разных сотрудниках Царицынского ЧК в 1918 г. Так, председатель ЧК А. И. Червяков, по сведениям Махровского, получил образование юриста и работал инспектором в торговом училище в Луганске до событий Февральской революции. В период между революциями он занял видное место на политической сцене города. После октября он на некоторое время отошел от политики, ожидая, какая из противоборствующих сторон одержит верх. Когда он предложил свои услуги большевикам, его назначили комиссаром обороны недолго просуществовавшей Донецко-Криворожской Советской Республики. После эвакуации руководителей республики в Царицын его назначили председателем ЧК. В процессе руководства Червяков часто кричал и размахивал оружием не только перед заключенными, но и перед подчиненными. Махровский утверждает, что он не был членом партии. Другой сотрудник ЧК, Иванов, также был родом из Луганска, где он работал в ЧК. У него были неприятности из-за преследования полномочного представителя центра [Там же, с. 25, 26]. Махровский также узнал, что ЧК в Луганске расстреляло всех бывших офицеров, выявленных в городе. Но больше всего Махровского неприятно удивила манера Иванова развлекаться, беседуя с осужденными заключенными, и ложно успокаивать их тем, что им нечего бояться [Там же]. Также Махровский упоминает про баржу как место заключения. Он приводит данные о невыносимых условиях содержания 400 человек, большинство из которых было рабочими и крестьянами.

По указанию Червякова Махровский был помещен на несколько часов в общую камеру в штабе ЧК. В камере, состоявшей из четырех небольших комнат, содержалось около 300 человек, многих из которых Махровский знал лично. Все они были советскими чиновниками или членами партии. Среди них находился партийный активист, который был арестован после того, как провел беседу со Сталиным, в которой раскритиковал организацию последним обороны Царицына [Там же, с. 27]. Наконец, 28 августа один из

чекистов сказал Махровскому, что ни он, ни Мухин не были уличены кем-либо из 70 человек, допрошенных в связи с заговором инженера Н. П. Алексеева. Чекист заявил, что именно поэтому они не были расстреляны. Другой знакомый чекист рассказал, что Ленин отправил телеграмму с приказом Червякову освободить Махровского. Но Махровский остался под стражей. Во время еще одной странной встречи с Червяковым Махровский узнал, что его судьба зависит от личного желания Сталина. Именно тогда Махровский пришел к выводу, что Сталин с самого начала был в курсе всех событий. Червяков сказал, что, по его мнению, Махровский будет освобожден через два-три дня. Но вскоре в связи с делом Алексеева был задержан другой подозреваемый, некто Сучков. Сучков указал на Мухина как на контрреволюционера. Чекистское начальство снова стало рассматривать возможность расстрела Мухина и Махровского. 12 сентября Махровский объявил голодовку. На следующий день чекист Альфред Борман попросил Махровского прекратить голодовку. Он пообещал, что Махровский скоро будет освобожден. Два дня спустя Борман арестовал Иванова за распитие спиртных напитков с Сучковым. Как только Червяков услышал об аресте, он освободил Иванова, а вместо него арестовал Бормана. Червяков и Иванов теперь безраздельно контролировали ЧК. Чекисты начали хвастаться, что от них «никто не уйдет» [7, с. 28]. И действительно, похоже, что это мало кому удалось. Но за пределами Царицына развернулась целая кампания по освобождению Махровского. Наконец, 21 сентября другой член коллегии Главконефти, занимавший в прошлом высшие посты в Бакинском ЧК, лично вмешался в процесс освобождения Махровского. При этом деньги, автомобили и все остальное имущество, конфискованное у экспедиции, после освобождения осталось в Царицыне.

Анализируя повествование Махровского, мы можем концептуально определить некоторые черты развивающихся практик сталинского террора как наследия Гражданской войны. Из показаний Махровского ясно, что в Царицыне часто расстреливали невинных людей. Но само собой разумеется, что реальные враги также могли быть задержаны. И многие историки указывают, что участник экспедиции Махровского, железнодорожный специалист Н. П. Алексеев, действительно мог быть организатором и участником крупного контрреволюционного заговора. В описании ЧК в организации под руководством Алексеева состояли в разное время бывшие царские офицеры, правые эсеры, сербские офицеры, большинство охранников экспедиции, по крайней мере, один из генералов Троцкого, царицынские профсоюзные деятели, важные бывшие чиновники Временного правительства и дипломатические советники западных правительств. Масштабы заговора выглядят значительными. В пользу реальности заговора свидетельствуют убедительные улики против Алексеева. Самым изобличающим свидетельством против него является статья в белогвардейской газете, опубликованная в феврале 1919 г.¹ Автор, взявший псевдоним А. Черноморцев, утверждал, что был в Царицыне летом 1918 г. и имел возможность наблюдать скрытые особенности цари-

¹ Донская волна. № 6. 3 февраля 1919 г. С. 8-12.

цынского режима. Он утверждал, что Алексеев действительно был лидером заговора и был уничтожен большевиками, во-первых, потому, что не прислушался к советам многих людей, которые предостерегали его от попыток использовать сербские части, и, во-вторых, потому, что он доверял шпиону, который оказался помощником царицынского коменданта. Следовательно, возможно, Алексеев и был вовлечен в какой-то заговор против советской власти в Царицыне.

И все же некоторые сомнения остаются. Существует ряд фактов, которые теряют смысл, если Алексеев был контрреволюционным заговорщиком. Так, например, мог ли Алексеев знать в Москве, что экспедиция застрянет в Царицыне, когда планировалось просто проехать через него по пути в Грозный? Зачем Алексеев взял с собой сыновей, если он планировал совершить вооруженный переворот в Царицыне? Возможно, от старшего сына Александра была какая-то польза, но, конечно, младший сын Павел, 17-летний подросток, не мог быть хорошим помощником в деле подготовки контрреволюционного выступления. Кроме того, факты свидетельствуют о том, что Алексеев очень любил своих сыновей. Зачем рисковать их жизнями в таком опасном начинании? В конце концов, Алексеев имел право сам формировать состав поезда. Он мог взять с собой всю свою семью практически в любой пункт назначения. Или он мог бы отправить их в безопасное место, вне досягаемости возмездия ЧК, которое, весьма вероятно, последовало бы за любым контрреволюционным действием с его стороны. Остается и вопрос десяти миллионов рублей. Почему Алексеев не смог просто забрать эту огромную сумму? У него был хороший шанс после отъезда Махровского. Казаки Краснова приближались к городу, а деньги находились у его шофера. Как мог искусный заговорщик упустить такую возможность? И все же Черноморцев утверждал, что Алексеев действительно доставлял деньги из Москвы для организации деятельности контрреволюционной группировки. Очевидно, это были не десять миллионов. Он также не передал контрреволюционерам деньги, которые были найдены у него в кармане при аресте. Бурцева сообщила, что ЧК утверждала, что обнаружила в вагоне Алексеева еще четверть миллиона рублей. Алексеев при этом отрицал, что когда-либо видел эти деньги раньше. Мог ли Алексеев не передать и эти деньги? И была ли еще одна значительная сумма денег, которую он передал группе? Также возникает вопрос о сроках предполагаемого мятежа. Почему Алексеев не предпринял попытку свержения в разгар военного кризиса, когда все войска красных были задействованы на фронте, комиссары были в панике, а он был свободен от контроля своего начальника Махровского? Мог ли он быть настолько глупым, чтобы планировать захват власти на то время, когда казаки начали отступать от Царицына?

Также вызывает интерес и личность Черноморцева. В похвальном слове Сталину в 1929 г. Ворошилов идентифицировал Черноморцева как генерала Носовича, который летом 1918 г. служил начальником штаба Северо-Кавказского военного округа [2, с. 45–47]. В более поздних публикациях часть историков пыталась изобразить Носовича истинным лидером заговора

[6, с. 19–31; 11, с. 82–84]. Иногда это рассматривалось как стремление очернить Троцкого. Историк А. В. Ганин опубликовал сборник воспоминаний А. Л. Носовича из архива генерала во Франции, а также его документов и публицистики [10]. Им подробно проанализированы мотивы действий Носовича. На основании этого анализа он делает однозначный вывод о работе Носовича против советской власти и о большой вероятности наличия заговора Алексеева, на существование которого указывает Носович. Но возникают вопросы о формате взаимодействия Носовича и Алексеева. Ведь если Носович действительно был тайным врагом, он должен был командовать Алексеевым, поскольку генерал обычно не подчиняется железнодорожному специалисту. Даже если он формально не был начальником Алексеева, он должен был быть в состоянии предостеречь Алексеева от совершения дилетантских ошибок. Наконец, Носович наверняка должен был знать, как обстояли дела на фронте. Как он мог позволить заговорщикам ждать, пока казаки отступят, упуская отличную возможность начать мятеж? Эти противоречия, конечно, ничего не доказывают полностью. Но если мы верим Носовичу, их очень трудно объяснить. Существует сценарий, который позволил бы сопоставить фрагменты, хотя убедительных доказательств в его поддержку нет. Вполне возможно, что Носович выдавал версию ЧК за свои личные подозрения. Сталинские чекисты действительно преследовали Носовича, когда пытались арестовать большую часть штаба Северо-Кавказского военного округа вскоре после завершения дела Алексеева. Носович сначала бежал в соседний город, находившийся под контролем красных, а затем, некоторое время спустя, в ноябре дезертировал. Если Носович действительно верой и правдой служил красным, пока сталинские чекисты не вынудили его бежать, спасая свою жизнь, тогда у него были основания сфабриковать для себя роль тайного антисоветчика, основываясь на тех материалах, которые были под рукой. Однако это остается всего лишь одним из возможных объяснений. В недавней публикации А. В. Ганин смог использовать источники, хранящиеся в архиве Управления ФСБ России по Волгоградской области и связанные с делом о заговоре инженера Н. П. Алексеева. Но историк указывает, что степень выполнимости намеченных планов захвата Царицына, а также вовлечения в эти события инженера Н. П. Алексеева остается неясной [4, с. 519]. В то же время он подчеркивает, что не приходится сомневаться в тайной шпионской деятельности Носовича. По мнению исследователя, в пользу этого говорит монархизм, антибольшевизм, ярко выраженный шовинизм генерала. Необходимо также упомянуть знание Носовичем деталей деятельности белого подполья, постоянные подозрения по отношению к Носовичу со стороны большевиков и два его ареста. Генерал критически отзывался в своих мемуарах как о большевиках, так и о белых, но такая позиция была характерна для многих царских гвардейских офицеров, которые оставаясь монархистами, презрительно относились к представителям обеих противостоящих друг другу сторон. Последнее доказательство, на которое указывает историк, связано с реабилитацией Носовича белыми на основании выводов комиссии, расследовавшей его дело [3, с. 25–26]. Но, как мы видим, все эти аргументы

не снимают проблему критического отношения к свидетельствам Носовича о деле Алексева. Известный историк О. В. Хлевнюк, используя доклад Махровского, указывает на возможность «сфабрикованности» ряда составляющих дела Алексева [12, с. 59–60].

В действительности, чем больше мы изучаем это дело, тем больше возникает вопросов. Если Алексей приветствовал контрреволюцию в момент расстрела, означало ли это, что он был заговорщиком, или его подтолкнуло к этому неповиновению обращение, которому он подвергся во время ареста? Был ли Носович шпионом с самого начала или он присоединился к белым только потому, что опасался репрессий Сталина? На такие вопросы нельзя ответить однозначно. Их возникновение связано с ситуацией, когда обвиняемые по определению считаются виновными и никакому закону не позволено вставать на пути власти.

С этим делом связана еще одна загадка, решения которой нет. В мае 1921 г. Махровский предстал перед судом в Москве в качестве «главного обвиняемого» в скандале, связанном с коррупцией в топливной отрасли. Он был приговорен к расстрелу, но затем приговор был заменен пятью годами тюремного строгого режима². Был ли Махровский виновен или Сталин нашел способ отомстить? И если Махровский действительно был замешан в коррупции в 1921 г., может ли этот факт дать какие-либо дополнения к анализу деятельности Махровского в 1918 г.? Был ли он коррумпирован и тогда или его разочарование привело к превращению убежденного революционера в циничного оппортуниста?

Кого или что можно считать ответственным за террор в Царицыне? Махровский был убежден, что Сталин в конечном счете несет ответственность за все, что произошло. Когда Бурцева воспротивилась его попытке забрать деньги и доложила в центр [7, с. 10], Сталин начал аресты «заговорщиков», чтобы оградить себя от неприятностей и в то же время вернуть деньги. По сути, это соответствует истории, которая была рассказана Махровским, и в таком объяснении есть убеждающие моменты. Тем не менее многое остается без ответа. Деньги играли большую роль. Но очевидно, что в случае Махровского было замешано нечто большее. Конечно, центр дал Сталину широкие полномочия руководить делами на местах, поэтому Ленин и Свердлов, по крайней мере, несут часть ответственности за действия своего подчиненного. Однако Сталин всегда был склонен превышать и расширять свои полномочия. В этом случае он охотно, хотя и с некоторой тревогой, рисковал столкнуться с неприятностями со стороны центральных властей, хотя и не из-за денег, а из-за самих арестов. Махровский думал, что Сталин боялся поссориться с центром из-за инцидента с деньгами. Возможно, так оно и было. Но, в конце концов, из-за денег пострадал не Сталин. 9 октября Ленин отклонил просьбу Л. Б. Красина освободить Мухина из Царицынской ЧК. Ленин указывал: «Красин пишет, что Мухин скрывал деньги от Сталина. Этого он делать не вправе был, хотя бы и “по распоряжению своего (!!??) началь-

² Гудок. № 304. 20 мая 1921 г.

ства”, – ибо Сталин тоже начальство, а если не “свое”, то более высокое» [8, с. 187]. То есть Ленин указывает, что Мухин не имел права скрывать деньги от Сталина в интересах своего ведомства, потому что у Сталина более высокий статус. Пытался ли Ленин тем самым отстоять принцип единоначалия, или хотел задобрить Сталина, или у него были какие-то другие мотивы остается неясным, но тем не менее в проигравших оказался Мухин, а не Сталин.

До этого, 27 августа, Ленин приказал Сталину и Червякову освободить Махровского и Алексеева из-под стражи и отправить их в Москву. Червяков ответил 29 августа, сообщив о казни Алексеева и пообещав в кратчайшие сроки вернуть Махровского. Свердлов отправил еще один приказ об освобождении Махровского 4 сентября. Как мог Сталин так успешно игнорировать эти приказы из центра? С одной стороны, дело Махровского, возможно, было связано с противостоянием Троцкого и Сталина, которое обострилось из-за споров о путях строительства Красной армии и готовности Сталина репрессировать военных специалистов (бывших офицеров царской армии), на чью помощь в процессе создания армии рассчитывал Троцкий. Сталин в это время поддерживал «военную оппозицию», т. е. большевиков, которые выступали против использования бывших царских офицеров в качестве военных специалистов в Красной армии. Сталин эффективно стирал грань между политическими разногласиями, основанными на определенных принципах, и неподчинением по причинам личных властных амбиций. С другой стороны, следует также иметь в виду, что центр в 1918 г. осуществлял очень незначительный фактический контроль над своими представителями или ведомствами на местах. Это особенно верно в случае центрального аппарата ВЧК. В начале июля, когда левые эсеры восстали в Москве против большевиков, их представители занимали ряд ключевых постов в центральном аппарате ВЧК.

Впоследствии левозсеровские сотрудники ЧК были арестованы, что лишило ЧК нескольких вполне компетентных руководителей, а руководитель ЧК Дзержинский подал в отставку. Таким образом, центральный аппарат ЧК, находившийся в зачаточном состоянии, был фактически обезглавлен. Это позволило в июле – августе 1918 г. региональным властям управлять местными ЧК так, как они считали нужным. Другим важным фактором, повлиявшим на развитие царицынского режима Сталина, было покушение на жизнь Ленина. Ленин, несмотря на все свои недостатки, был могущественным лидером, который не допустил бы превращения революции, которая, как он чувствовал, должна была запустить процесс государственного строительства, в волну массовых убийств. Для Ленина террор был инструментом, а не самоцелью, но после покушения партия и ее сторонники бросились мстить за своего вождя и запугивать своих врагов «красным террором». Политика террора была связана со снятием всех ограничений. Заключение, уже находившиеся в тюрьмах, и «обычные подозреваемые» сомнительного социального происхождения были репрессированы во многих местах. Подобно многим партийным чиновникам, Сталин, Минин и Ворошилов телеграфировали в Москву обещание заставить «буржуев» дорого заплатить. Та-

кие процессы неизбежно влияли на развитие ситуации в Царицыне. Особенности личности Сталина были не единственными деструктивными силами, повлиявшими на ситуацию в Царицыне, и Царицын был не единственным местом, где развивались подобные практики. Сама революция вышла из-под контроля, и это было лишь частично связано с военной угрозой. Относительно добросовестные местные активисты противостояли оппортунистам, которые подражали риторике революции и часто использовали пробелы в ее логике в своих собственных целях. Этим местным тиранам очень помогло то, что рабочие часто все еще добивались воплощения собственной классовой мести и были слепы по отношению к появлению новой опасности. Еще более важной была неспособность Ленина и старых большевиков остановить лицемеров, которые утверждали, что служат общему делу. В то время как некоторые отдельные ренегаты были казнены, другие неизбежно заняли их места, потому что коммунистическое государство не было основано на верховенстве закона. В этом отношении мышление Ленина можно считать «недиалектичным», поскольку он не смог провести различие между случайными и необходимыми отношениями. Ибо даже если, согласно марксистской идеологии, верховенство закона при капитализме служило фасадом для массовой эксплуатации, то оно в то же время стало одним из величайших достижений в истории человечества. Разрушая институт правосудия на том основании, что он возник в капиталистическую эпоху, и не учитывая при этом возможность того, что право могло пережить с пользой свой первоначальный контекст возникновения, большевики не опережали буржуазный порядок, а возвращались к более традиционным автократическим способам правления.

Тем не менее старые большевики как группа не были нигилистами. В целом они придерживались морального кодекса, хотя упрощенного и предназначенного только для своих товарищей. Махровский красноречиво описал такую большевистскую ментальность, вспомнив этапы своего болезненного «пробуждения» во время ареста в Царицыне [7, с. 21]. Например, этот кодекс подразумевал, что коммунист должен остерегаться специалистов и других лиц сомнительного социального происхождения, но прежде чем такие люди будут наказаны, должны быть представлены какие-то доказательства их вины. Это было не только вопросом справедливости, но и вызовом реальности – никакое производство или управление не могло быть налажено, если бы каждый специалист сидел в тюрьме или был расстрелян. Мораль и прагматизм были взаимосвязаны. В идеале большевики не должны были потакать своим личным желаниям и интересам за счет тех, кто находился под их властью. Предполагалось, что партийцы должны относиться друг к другу с братским уважением. Для них было неприлично и непрактично ссориться и арестовывать друг друга. Тем более было немыслимо убивать друг друга. Как старый большевик, Ленин, конечно, руководствовался этими моральными соображениями, хотя, вероятно, он не думал о себе в таких терминах. Сохранение правильных отношений между соратниками по партии вызывало у него серьезную озабоченность до конца жизни. Также можно предположить, что Ленин не был склонен к превращению террора по отношению ко всему

населению в постоянную основу режима. Вождь революции руководил многими актами насилия, часть из которых в ретроспективе кажутся аморальными, неоправданными или ошибочными. Декреты и полемика Ленина часто выглядят еще более радикальными, хотя не следует предполагать, что его слова всегда воплощались в действия. Риторика Ленина, однако, помогала создавать атмосферу, благоприятствующую радикализации применения насилия. Но социальный контекст, пропитанный насилием, в рамках которого действовала партия, не был в первую очередь творением Ленина, хотя Октябрьская революция действительно ускорила процессы социального и морального кризиса страны. Российская империя едва пережила десятилетия социального стресса, прежде чем напряжение тотальной войны привело затем к ее окончательному краху. Лучшим словом для описания России в 1918 г. является хаос. Во многих местах общественный порядок рухнул, о морали позабыли. Фактически единой страны не существовало, на ее месте возникли бесчисленные фрагменты, над которыми Москва часто имела лишь номинальный контроль.

В отсутствие централизованной власти в населенных пунктах доминировали самые разные люди. В некоторых местах демократические социалисты боролись за продвижение либертарианской программы ослабления государства под знаменем революции. Но многие населенные пункты были наводнены радикальными фанатиками, придерживавшимися разных идеологических взглядов, или беспринципными оппортунистами. Руководство большевиков одновременно использовало нигилистические силы и сдерживало их. Старым большевикам не удалось в полной мере противостоять практикам управления, подобным сталинскому Царицыну. Если бы они настаивали на законности тогда, в разгар Гражданской войны, сталинские практики террора, возможно, никогда бы и не развились как система. Однако большая часть насилия и радикализма 1918 г. возникла в обществе и проявилась в действиях отдельных людей как спонтанная реакция на ошеломляющие силы хаоса. Террор стал его неотъемлемой частью. Старые большевики не были склонны вводить массовый террор в качестве постоянной черты своего правления. Придя к власти, они были еще менее склонны намеренно разжигать хаос, будь то в качестве предлога для применения террора или как следствие его применения. В конце 1920–1930-х гг. не старые большевики как группа создавали сталинский режим террора. Старые большевики не были демократами или борцами за гражданские свободы, но также они не были палачами по натуре. Что касается террора, характерного для сталинизма и воссоздания царицынских практик в национальном масштабе, то ни один другой старый большевик, похоже, не был способен заменить в этом Сталина. В то время как другие старые большевики позже вспоминали Гражданскую войну как период героической борьбы, омраченный прискорбной жестокостью, Сталин, похоже, воспринял дикость и эксцессы насилия как естественные и эффективные средства правления. Несмотря на свои заявления, он не придерживался морали старой школы. Он хорошо разбирался в большевистской идеологии и партийных нравах, но он нашел свое истинное Я в

хаосе Гражданской войны. Он был вдохновенным заговорщиком и находчивым проводником оппортунистов. Сталин также казался исключительным в той мере, в какой он оставался невозмутимым, когда его интриги и действия его подчиненных разжигали хаос в самые критические моменты. Хаос всегда мог служить доказательством присутствия тайных врагов. Более того, только Сталин, по-видимому, обладал развитой способностью создавать и провоцировать снова и снова такого рода хаос, который возник более или менее стихийно в 1918 г., в условиях которого мог процветать террор, практиковавшийся в революционном Царицыне.

Конечно, Сталин не смог бы состояться без своих помощников. В 1918 г. по всей периферии Советской России существовали местные власти, которые нашли свое призвание не в построении нового мира, а в разрушении старого. В некотором смысле они были порождены старой социальной структурой или, скорее, ее кризисом и крахом. Но сами по себе они никогда не смогли бы сформировать правящую группу. Должен был появиться кто-то, очень похожий на Сталина, чтобы трансформировать представителей этих местных властей в нечто большее, чем они когда-либо могли стать сами по себе.

Разные грани характера Сталина впервые проявились в Царицыне только для того, чтобы вновь проявиться в 1930-е гг. и сделать радикальный террор и репрессии важным фактором жизни всей страны. Как и в случае с Махровским, Сталин позже доказал свою способность выявлять и раскрывать несуществующие заговоры, чтобы таким образом бороться с предполагаемыми угрозами. Более того, во многих из более поздних «заговоров» были обвинены как «специалисты», рассматривавшиеся властями в качестве пережитка дореволюционного общества, так и «красные эксперты». Компетентность сама по себе становилась подозрительной. В «заговоре Алексева», возможно, сыграла свою роль ранняя ссора Сталина с Махровским. В последующие годы способность Сталина обижаться и одержимо вынашивать обиду до тех пор, пока он не сможет отомстить, стала легендарной. Он, очевидно, проявлял большой личный интерес к унижению и уничтожению практически всех старых большевиков. Нападки Сталина на военных специалистов также, похоже, создали ужасный прецедент. Борьба Сталина с Троцким, частые аресты назначенцев Троцкого хорошо известны. Но это была не просто размолвка с соперником. Сталинские чекисты попытались уничтожить всех бывших офицеров в Царицыне, начиная с тех, кто добровольно пошел служить в Красную армию. Есть и другие особенности сталинского Царицына, которые покажутся знакомыми исследователям, изучающим институт террора при сталинизме. Людей, несогласных со Сталиным, сначала расстреливали, а затем сплетали вокруг них паутину лжи. С другими жертвами, которые не были знакомы со Сталиным, обращались точно так же. Они были необходимы для формирования режима террора. Аресты проводились практически случайным образом, в то время как обвинения выдвигались на основании самых различных политических или идеологических мотивов. Заключенных пытали или ложно обещали помилование, если они назовут других. И все эти практики управления затем были во многом мифологизиро-

рованы как великая победа Сталина [2; 5, с. 125–127; 9, с. 138–139]. В работе над развитием этой мифологии участвовал и сам Сталин. Историки Д. А. Белов и Е. П. Воробьев, изучив сохранившийся в РГАСПИ экземпляр книги профессора Академии Генерального штаба РККА В. А. Меликова «Героическая оборона Царицына (1918 г.)» с личными правками Сталина, сделали вывод, что данная монография превратилась из научной работы в орудие политической борьбы с «врагами народа» [1]. Автор монографии В. А. Меликов умер в тюрьме в 1946 г. во время следствия по обвинению в контрреволюционной пропаганде.

Процесс формирования сталинского террора как системы практик управления государством далек от однозначного объяснения. Факторы социальной структуры, особенности российской политической культуры, конкретный исторический контекст и ленинская идеология – все это было связано между собой на уровне причин и следствий. Сталинизм можно рассматривать как продукт современности или как порождение морального кризиса. Но есть веские причины, по которым мы возвращаемся к проблеме сталинизма. Сталин был не просто еще одним большевиком. Террор, который вдохновлял Сталина и использовался им, был не просто еще одним элементом социальной структуры или функциональной заменой какой-либо другой формы социальной дисциплины. Сталинский террор во многих отношениях был явно дисфункциональным, как и незаконная жестокость Гражданской войны. Но, в отличие от незапланированного «горячего» и ситуативного террора Гражданской войны, сталинский террор был продолжен намеренно, хладнокровно и расчетливо. Исторический социальный советский контекст, очевидно, сделал возможным становление и развитие института массового террора как инструмента развития молодого государства. Режим террора был значительным социальным новшеством, которое во многом связано с личностью Сталина.

Список литературы

1. Белов Д. А., Воробьев Е. П. Роль И. В. Сталина в формировании официальной версии истории обороны Царицына в годы Гражданской войны в России // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 558–571.
2. Ворошилов К. Е. Ленин, Сталин и Красная Армия: статьи и речи. М.: Партиздат, 1934. 103 с.
3. Ганин А. В. Бывший генерал А. Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 6–34.
4. Ганин А. В. Новые материалы о заговоре инженера Н. П. Алексева в Царицыне в августе 1918 г. // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2022. С. 515–519.
5. Генкина Э. Б. Борьба за Царицын в 1918 г. М.: Политиздат при ЦК ВКП (б), 1940. 216 с.
6. Генкина Э. Б. Приезд товарища Сталина в Царицын. Сталинград: Краевое книгоиздательство, 1937. 55 с.
7. Доклад от народного комиссара путей сообщения представителю Совета народных комиссаров товарищу Ленину. М.: [б. и.], 1919. 65 с.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 5. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. 646 с.

9. Меликов В. А. Героическая оборона Царицына (1918 г.) М. : Воениздат, 1938. 304 с.
10. Носович А. Л. Белый агент в Красной армии. Воспоминания, документы, статьи. М. : Нестор-история, 2021. 576 с.
11. Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. М. : Госполитиздат, 1960. 247 с.
12. Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. М. : АСТ : Corpus, 2015. 464 с.

References

1. Belov D.A., Vorobiev E.P. Rol I.V. Stalina v formirovanii ofitsialnoi versii istorii oborony Tsaritsyna v gody Gragdanskoj voiny v Rossii [The role of I. V. Stalin in shaping the official version of the history of Tsaritsyn's defense during the Russian Civil War]. *Vestnik Arhivista* [Herald of an Archivist], 2019, no. 2, pp. 558-571. (in Russian)
2. Voroshilov K. E. *Lenin, Stalin i Krasnaya Armia: statyi I rechi* [Lenin, Stalin and the Red Army: articles and speeches]. Moscow: Partizdat Publ., 1934. 103 p. (in Russian)
3. Ganin A.V. Byvshiy general A.L. Nosovich i beloe podpolie v Krasnoy armii v 1918 g. [Former General A.L. Nosovich and the white underground in the Red Army in 1918]. *Gurnal rossijskikh I vostochevropeskikh issledovanij* [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies], 2017, no. 2(9), pp. 6-34. (in Russian)
4. Ganin A.V. Novye materialy o zagovore ingenera N.P. Alekseeva v Tsaritsyne v avguste 1918 g. [New materials on the conspiracy of engineer N.P. Alekseev in Tsaritsyn in August 1918] / *Voенно-istoricheskie aspekty gizni Yuga Rossii XVII – XXI vv.: voprosy izucheniya i muzeifikatsii* [Military-historical aspects of the life of the South of Russia in the 17th – 21st centuries: issues of study and museification]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2022, pp. 515-519. (in Russian)
5. Genkina E.B. *Borba za Tsaritsyn v 1918 g.* [The struggle for Tsaritsyn in 1918] M.: Politizdat under the Central Committee of the VCP (b) Publ., 1940. 216 p. (in Russian)
6. Genkina E.B. *Priezd tovaricha Stalina v Tsaritsyn* [The arrival of Comrade Stalin to Tsaritsyn]. Stalingrad: Regional book publishing Publ., 1937, 55 p. (in Russian)
7. *Doklad ot narodnogo komissara putei soobshcheniya predstavitelu Soveta narodnykh komissarov tovarishchu Leninu* [A report from the People's Commissar of Railways to the representative of the Council of People's Commissars, Comrade Lenin]. Moscow, 1919, 65 p. (in Russian)
8. Melikov V.A. *Gerоическая оборона Traritsyna (1918 g.)* [The Heroic Defense of Tsaritsyn (1918)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1938, 304 p. (in Russian)
9. Lenin V.I. *Polnoye sobranie sochinenij* [The complete works]. In 55 vols. Vol. 5. 5th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1970, 646 p. (in Russian)
10. Nosovich A.L. *Beliy agent v Krasnoy armii. Vospominaniya, dokumenty, statii* [A white agent in the Red Army. Memoirs, documents, articles]. Moscow, Nestor-history Publ., 2021, 576 p. (in Russian)
11. Sofinov P.G. *Oчерки istorii Vserossiyskoj Chrezvychainoy Komissii* [Essays on the history of the All-Russian Extraordinary Commission]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960, 247 p. (in Russian)
12. Hlevnuk O.V. *Stalin. Gizn odnogo vogdia* [Stalin. The life of a leader]. Moscow, AST Publ., Corpus Publ., 2015, 464 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Бронштейн Виктор Владимирович
кандидат экономических наук (прикладная социология), почетный профессор ИГУ, председатель экспертного совета Музей современного искусства Сибири Виктора Бронштейна
Россия, 664007, г. Иркутск,
ул. Октябрьской Революции, 3
e-mail: bronshteyn.victor@gmail.com

Information about the author

Bronstein Viktor Vladimirovich
Candidate of Sciences (Economics) (Applied Sociology), Honorary Professor ISU, Chairman of the Expert Council Museum of Contemporary Art of Siberia by Viktor Bronstein
3, Oktyabrskoi Revolyutsii st., Irkutsk, 664007, Russian Federation
e-mail: bronshteyn.victor@gmail.com

Статья поступила в редакцию **11.04.2024**; одобрена после рецензирования **15.05.2024**; принята к публикации **10.11.2024**
The article was submitted **April, 11, 2024**; approved after reviewing **May, 15, 2024**; accepted for publication **November, 10, 2024**